

СТИЛИСТИЧЕСКИ ОКРАШЕННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ТЕКСТА И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА НА АРМЯНСКИЙ ЯЗЫК

(М.Булгаков "Мастер и Маргарита")

"Мастер и Маргарита" - произведение своеобразной и сложной художественной структуры, произведение новаторское по сюжетно-композиционным и стилевым особенностям. Единство художественной структуры и стиля романа основывается на соотношении эпического охвата жизни с сатирическим и лирическим началом. В идейно-художественное единство слиты ирония, критически обличительный пафос, лиризм, житейская проза, сюжетные линии, восходящие к Библии и мировой литературе. Фантастика "наталкивается" на реализм, миф - на историческую достоверность, теософия - на демонизм.

Изображая то или иное явление, предмет или эпизод, Булгаков использует внутри речевого периода целый ряд ярких сравнений, воспроизведение которых требует от переводчика творческого подхода. Рассмотрим несколько примеров передачи А.Оганесяном стилистически окрашенных элементов текста в армянском переводе, которые могут свидетельствовать о его мастерстве как переводчика.

Булгаковским сравнениям принадлежит главенствующая роль в обрисовке персонажей. Они помогают определить отношение автора к своим героям. Эти сравнения настолько важны, что любая деталь может иметь существенное значение, и, если переводчик неадекватно будет воссоздавать подобные элементы, это может не только изменить значение, смысл, изначально вложенные автором в данный отрывок текста, но и в известной степени нарушить связь этого отрывка с художественной целостностью всего романа.

Основным художественным приемом у Булгакова является гротеск, который в его творчестве становится главным смысловым и конструктивным принципом. Мастерски пользуясь этим приемом, Булгаков создал целую галерею самых различных гротескных образов. Он использует гротесковые детали, очень индивидуализированные, концентрируя их в образе и связывая эти образы с разными планами произведения.

Гротескные образы Михаил Булгаков, как известно, создает в мане-

ре Гофмана. Как у Гофмана, булгаковское изображение тяготеет к заострению этих двуплановых образов, доходящему до гротеска. И таким образом достигается особого рода метафоричность и возможность выразить впечатление от предмета при минимальной предметности изображения.

Представители фантастического и реального мира похожи благодаря подобным сравнениям (как это было и у Гофмана). Обрисовывая образы людей, Булгаков использует сравнения с животным миром. При воссоздании подобного рода сравнения переводчик должен позаботиться, чтобы образ, лежащий в его основе, вызвал бы у читателя адекватное оригиналу стилистическое впечатление. Рассмотрим, насколько Армену Оганесяну удалось справиться с данной задачей.

Арестант же тем временем продолжал свою речь, но секретарь ничего более не записывал, а только, вытянув шею, как гусь, старался не проронить ни одного слова.¹

Իսկ այդ ընթացքում բանտարկյալը շարունակում էր իր խոսքը, բայց քարտուղարն այլևս ոչինչ չէր արձանագրում, միայն սազի պես փիզը ծգած՝ աշխատում էր ոչ մի բան բաց չթողնել.² (как гусь" — "սազի պես").

Посредством диалога ершалаимских и московских глав Булгаков переосмысливает и углубляет гофмановское сочетание фантастики с реальностью.

Сохранение эмоционально-экспрессивного звучания текста при адекватном воссоздании его композиционных особенностей - довольно сложная задача для переводчика. Армен Оганесян остается верен оригиналу и воспроизводит все нюансы сравнений.

Некоторое время председатель, как баран, смотрел на ступеньки лестницы, но потом решил плюнуть на это и не мучить себя замысловатым вопросом. (366)

Որոշ ժամանակ նախագահը ոչխարի պես նայում էր սանդուղքի աստիճաններին, բայց հետո վճռեց բքել դրա վրա ու իրեն չտանջել խորին այդ հարցով ... (109)

Армянское "ոչխարի պես" здесь несет в себе более негативный смысл, чем его русское соответствие. Таким образом, переводчик, передавая дух оригинала, создает вариант более понятный и близкий для армян.

¹ М.А.Булгаков. "Мастер и Маргарита". Москва. Художественная литература; 1980г. стр. 29.

² Ս.Բուլգակով «Վարպետ, Սարգարիտան» «Սովետական գրող», 1985., էջ:

Интересны сравнения, связанные с явлениями природы.

Человек спереди мгновенно выхватил из рук Иуды кошель. И в тот же миг за спиной Иуды взлетел нож, как молния, и ударил влюбленного под лопатку. Иуду швырнуло вперед, и руки со скрюченными пальцами он выбросил в воздух. (588)

Դիմացի մարդը Հուդայի ձեռքից ակնբարձրորեն խլեց տոպրակը: Եվ այդ նույն պահին Հուդայի թիկունքում կայծակի պես շողաց դաշույնը և հայտնվեց սիրահարի կողի տակ: Հուդան առաջ շարտվեց և ծննդված մատներով ձեռքերը օդ փարգեց: (354)

Однако на наш взгляд слово "нож" следовало бы перевести "դիմակ", а не "դաշույն", "դաշույն" — "кинжал". Стилистическая окраска этой словесной единицы связана, с одной стороны, скорее с реалиями Кавказа чем Ершалаима, с другой же, убийцы, посланные Пилатом, изображают простых воров, у них в руках обыкновенный нож.

Переводчику важно верно почувствовать переходы от одного образа к другому и адекватно пересоздать текст оригинала. В рамках одной метафоры проявления чувства любви неожиданно получают "сниженные" олицетворения.

Он вдруг вытер неожиданную слезу правым рукавом и продолжал: - Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих!

Так поражает молния, так поражает финский нож! (407)

Եւ հանկարծ սրեց անսպասելի արտասուքը աչքերով և շարունակեց. - Սերը դուրս պրծավ մեր առաջ, ինչպես մարդասպանն է դուրս պրծնում գետնի տակից, և խլեց երկուսիս էլ միաժամանակ: Այդպես կայծակն է խփում, այդպես ֆիննական դանակով են խփում: (155)

Армен Оганесян стремится предельно адекватно воспроизвести семантические стилистические особенности булгаковского текста, и это становится одним из средств отражения в переводе идейно-композиционной целостности оригинала.

Художественное единство организуется также и посредством ритма. "Ритм прозы, - пишет А.Федоров, - создается не столько правильным чередованием звуковых единиц (например, слогов ударных и неударных, целых групп слогов, мужских и женских окончаний), сколько упорядоченным расположением более крупных смысловых и синтаксических элементов речи, их следованием в определенном порядке-повторениями слов, параллелизма-

ми, контрастами, симметрией, характером связи фраз и предложений. Кроме того, ритм прозы обуславливается также эмоциональным нагнетанием, распределением эмоциональной силы, патетической окраски, связанной с тем или иным отрезком речи".³

Достаточно характерна как ритмически организованный текст начальная страница главы 6 - "Шизофрения, как и было сказано".

"Батюшки! - испуганно подумал Рюхин, - да он и впрямь нормален? Вот чепуха какая! Зачем же мы, в самом деле, сюда-то его притащили? Нормален, нормален, только рожжа расцарапана..."

- Вы находитесь, - спокойно заговорил врач, присаживаясь на белый табурет на блестящей ноге, - не в сумасшедшем доме, а в клинике, где вас никто не станет задерживать, если в этом нет надобности. Иван Николаевич покосился недоверчиво, но все же пробурчал:

- Слава те господи! Нашелся наконец один нормальный среди идиотов, из которых первый - балбес и бездарность Сашка!

- Кто этот Сашка - бездарность? - осведомился врач.

- А вот он, Рюхин! - ответил Иван и ткнул грязным пальцем в направлении Рюхина. Тот вспыхнул от негодования. - "Это он мне вместо спасибо! - горько подумал он, - за то, что я принял в нем участие! Вот уж, действительно, дрянь!"

- Типичный кулачок по своей психологии, - заговорил Иван Николаевич, которому, очевидно, приспичило обличать Рюхина, - и притом кулачок, тщательно маскирующий под пролетария. Посмотрите на его постную физиономию и сличите с теми звучными стихами, которые он сочинил к первому числу! Хе-хе-хе..." Взвейтесь!" да "развейтесь!"... а вы загляните к нему внутрь - что он там думает...вы ахнете! - И Иван Николаевич злоево рассмеялся. (53).

При повторении слов возникает внешнее впечатление ритмичности, а на самом деле происходит диалог непонимающих друг друга людей, который создает ощущение внутреннего нарушения, "расшатанности" ритма. Этот прием используется как в изображении реального, так и фантастического мира.

«Տեր աստված, - վախեցած մտածեց Ռյուխինը, - իսկապես որ նորմալ է: Այքեզ բան: Եվ իսկապես, ինչի՞ համար նրան քարշ տվեցինք այստեղ: Նորմալ է, նորմալ, միայն քիթուճուրթն է ծանկոտված...»

- Դուք գտնվում եք ոչ թե գծանոցում, - հանգիստ ասաց բժիշկը՝ մտելով փայլուն ոտով ծերմակ արթնակի վրա, - այլ կլինիկայում, ուր ոչ ոք ձեզ չի

³ А. Федоров "О художественном переводе". Л.1941г. стр.121,122.

պահի, եթե դրա հարկը չկա: Ի վան Նիկոլանիչն անվստահությամբ խեթեց, բայց և այնպես փնթփնթաց:

- Փա՞ռք քեզ, աստված: Վերջապես խելքը գլխին մեկը գտնվեց այսքան ապուշների միջից, առաքին ապուշն էլ՝ դանդալուշ ու անտաղանդ Սաշկան:

- Ո՞վ է այդ անտաղանդ Սաշկան, - հարցրեց բժիշկը:

- Ո՞վ պիտի, ահա՛ Ռյուխինը, - պատասխանեց Ի վանը և կեղտոտ մատը տնկեց Ռյուխինի կողմը:

Վերջինս կրակվեց վրդովմունքից:

«Շնորհակալության փոխարեն էր, - մտածեց դառնացած, - նրա համար, որ կարեկցեցի: Իսկական զարշա՞նք»:

- Տիպիկ կուլակ՝ իր հոգեբանությամբ, - ասաց Ի վան Նիկոլանիչը, որը, հավանորեն, Ռյուխինին մերկացնելու սաստիկ ցանկություն ուներ, - ընդ որում պրոլետարի անվան տակ խնամքով քողարկվող կուլակ: Մի նայե՛ք դրա ժանգոտ կերպարանքին ու համեմատեք այն հնչեղ ոտանավորների հետ, որ հորինել է ամսի մեկի առթիվ: Դե-Դե-հե... «Շողողացե՛ք» ու «փողփողացե՛ք»..., բայց մի ներսը նայեք, թե ինչ է մտածում... կշռմեք: - Եվ Ի վան Նիկոլանիչը ծիծաղեց չարագույժ: (72-73)

Обращаясь к тексту перевода, можно увидеть, что все ритмические особенности оригинала переданы в нем с предельной верностью, точностью.

Ритм прозы зачастую куда более богат, куда более тонок, многообразен и глубок, чем ритм стихотворений. О том, какую важность придает А.Оганесян "ритму прозы", свидетельствует очень ценное на наш взгляд высказывание переводчика, относящееся к 1985 году (интервью газете "Тракан ашхар").

"Считая излишним говорить о художественных особенностях романа, о необыкновенной мощи булгаковской прозы, желаю подчеркнуть, что в первую очередь я стремился к безукоризненной точности слова и мысли. Булгаковский текст имеет необычайную музыкальность, внутреннюю упругость и классический ритм. Стремился также сохранить эту музыкальность и внутренний ритм, исключая какую-либо "свободу", минимальное отклонение от оригинала, и если это удастся мне, пусть даже наполовину, буду чрезмерно доволен..."⁴

⁴ "Тракан ашхар" 1985г., 17 марта, стр. 5 (Привожу в своем переводе.-З.М.).

Как перед переводчиком перед А.Оганесяном стояла важная задача воспроизвести темп булгаковского повествования, его замедления и ускорения, ритмический рисунок различных интонаций, которыми так богат роман "Мастер и Маргарита". Сатирическая, лирическая и бытовая интонации сменяют друг друга; особую интонацию Булгаков выбирает для "библейских" сцен.

- Слушай, Га-Ноури,- заговорил прокуратор, глядя на Иешуа как-то странно: лицо прокуратора было грозно, но глаза тревожны,- ты когда-либо говорил что-нибудь о великом кесаре? Отвечай! Говорил?... Или... не говорил?- Пилат протянул слово "не" несколько больше, чем это полагается на суде, и послал Иешуа в своем взгляде какую-то мысль, которую как бы хотел внушить арестанту.

- Правду говорить легко и приятно,- заметил арестант,

- Мне не нужно знать,- придушенным, злым голосом отозвался Пилат,- приятно или неприятно тебе говорить правду. Но тебе придется ее говорить, но, говоря, взвешивай каждое слово, если не хочешь не только неизбежной, но и мучительной смерти".(23).

- Լսիր, Հա-Նոցրի, - սկսեց կուսակալը, Հեշուային նայելով մի տեսակ տարօրինակ. կուսակալի դեմքն ահեղ էր, բայց աչքերը լի էին տագնապով, - երբևիցե դու որևէ բան ասե՞լ ես մեծն կեսարի մասին: Պատասխանիր. Ասե՞լ ես... Թե՞... չես ասել: - Պիղատոսը փոքր-ինչ ավելի ձգեց «չես» բառը, քան դա սահմանված է դատարանում և հայացքով Հեշուային հղեց ինչ-որ միտք, որ այնքան կուզենար ներշնչել-բանտարկյալին:

- Եշմարտությունն ասելը դյուրին է և հաճելի, - նկատեց բանտարկյալը:

- Ինձ պետք չէ գիտնալ՝ քեզ հաճելի՞, թե տհաճ է Եշմարտությունն ասելը, - չարացած ու խլածայն պատասխանեց Պիղատոսը: - Սակայն ստիպված կլինես ասել: Բայց խոսելիս յուրաքանչյուր բառդ ծանրութեթև արա, եթե ոչ միայն անխուսափելի, այլ նաև տանջալի մահ չես կամենում: (30)

Как мы видим, Булгаков создает психологический подтекст; говоря злым голосом, Пилат пытается спасти Иешуа и указывает ему, как правильно себя вести.

...Вы меня слышите? - вдруг многозначительно спросил Стравинский и завладел обеими руками Ивана Николаевича.

Взяв их в свои, он долго, в упор глядя в глаза Ивана, повторял: - Вам здесь помогут... вы слышите меня?... Вам здесь помогут... вам здесь помогут... Вы получите облегчение. Здесь тихо, все спокойно... Вам здесь помогут...

Иван Николаевич неожиданно зевнул, выражение лица его смягчилось.

- Да, да, - тихо сказал он.

- Ну вот и славно! - по своему обыкновению заключил беседу Стравинский и поднялся, - до свидания! - он пожал руку Ивану и, уже выходя, повернулся к тому, что был с бородкой, и сказал:

- Да, а кислород попробуйте... и ванны. " (359-360).

... Դուք ինձ լսո՞ւմ եք, - հանկարծ, բազմանշանակ հարցրեց Ստրավինսկին և բռնեց Իվան Նիկոլանիչի երկու ձեռքերը: Նա երկար, անթարթ նայում էր Իվանի աչքերին, կրկնելով - Ձեզ այստեղ կօզնեն... դուք ինձ լսո՞ւմ եք... Ձեզ այստեղ կօզնեն... ձեզ այստեղ կօզնեն... դուք թեթևացում կզգաք: Այստեղ խաղաղ է, ամեն ինչ հանգիստ... Ձեզ այստեղ կօզնեն: Իվան Նիկոլանիչն անսպասելիորեն հորանքեց, նրա դեմքի արտահայտությունը մեղմացավ:

- Այո, այո, - ասաց կամացուկ:

- Միա, բարի, - ըստ իր սովորության ավարտեց զրույցը Ստրավինսկին և ոտքի ելավ, - ցտեսություն, - նա սեղմեց Իվանի ձեռքը և, արդեն սենյակից դուրս գալով դարձավ դեպի այն մեկը, որ մորուքավոր էր, և ասաց, - Այո, իսկ թրվածին նույնպես փորձեք... և լոգանքներ: (101-102)

Таким образом, по замыслу Булгакова профессор Стравинский в какой-то степени напоминает Понтия Пилата, Стравинский и Иешуа совершают противоположные действия. Иван освобождается от мук совести за случай с Берлиозом. Иешуа спасает Понтия Пилата от головной боли и ценой собственной жизни пробуждает в нем совесть.

Мы видим, как глубоко понимает Армен Оганесян проблему ритма булгаковской прозы, ее музыкальности, их роль в художественной структуре всего произведения. Он всемерно заботится о том, чтобы булгаковская фраза не утрачивала в переводе своей насыщенности, своей функционально значимой пространности, не утрачивала своего ритма и интонации.

Таким образом, Армен Оганесян в переводе романа Булгакова "Мастер и Маргарита" посредством передачи тончайших смысловых нюансов текста сумел, на наш взгляд, достаточно точно воспроизвести художественные особенности оригинала, и благодаря этому оганесяновский перевод стал фактом армянской литературы - истинным художественным произведением.